

свободная газета свободных поэтов

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

*Бога подвинуть сроки –
вряд ли уговоришь.
Строчки забьются в угол,
в тёплый домашний мрак...
Если ты был и убыл, –
людям оставь маяк.
Полночь в сыром покое,
пёс пробежит, ворча.
Светится в Каблукове
лампочка Ильича...*

Это строки, написанные тверским молодым поэтом Федором Ивановым. Они об организаторе и многолетнем руководителе Каблуковских литературных встреч Владимире Ильиче Львове. Их много сегодня, стихов, посвященных ему.

Известие о его смерти повергло в шок сотни людей в разных уголках страны. Ведь ежегодно в первые выходные июля в Каблуково ехали поэты не только из Тверской области. Москва, Ярославль, Есенинское село Константиново, Смоленск, Вологда, далёкая Ухта... Перечислять и перечислять города и веси поэтов, музыкантов, авторов песен, которых обогрела своим светом и теплом та самая лампочка Ильича, упомянутая Фёдором Ивановым. И на три дня и три ночи воцарялось здесь такое душевное единство, такое раздолье образному слову, тонкому поэтическому чутью, творчеству.

Здесь было душевно, что отличало именно эту поэтическую тусовку от иных, заадминистрированных, заофициальных литературных мероприятий. Это, конечно же, был конкурс, со всем вытекающим: подсчет баллов, выставление оценок, распределение мест, официальные чтения и вручения дипломов, мастер-классы. И понятно, что результатами не всегда и не все были довольны, кто-то считал себя обделенным, хотя и старались члены жюри быть объективными. Но каждый год собирались здесь более двухсот творческих людей, а о самом событии мечтали задолго.

И вот наступала «поэтическая пасха», как назвал эти литературные встречи кто-то (теперь и не вспомнишь, кто) из участников.

Только здесь после завершившейся

КАБЛУКОВСКИЙ СВЕТ

официальной процедуры, ночью уже можно было увидеть такую, например, картину. У палаточного городка на задах школьного двора, слабо освещенного пламенем отдаленного костра, располагалась живописная троица. Припавший на коленку у лежащего на траве листка с рукописным текстом профессиональный столичный музыкант в недешевых фирменных джинсах с гитарой. Рядом автор стихов, подсвечивающий фонариком рукопись. И возвышающийся над ними двухметровый худой поэт из тверской глубинки с самодельной дудочкой в непонятного покроя, цвета и возраста штанах. Такую разношерстную троицу в других времени и месте и представить было бы невозможно. А здесь это был единый творческий коллектив, стихийно образовавшийся. Рождалась песня. Красивая песня, собиравшая вокруг слышавшую это публику.

Здесь можно было подойти к любой группке людей – и быть везде своим. И вставить своё слово, и быть понятным и принятым.

К любому такому легучему стихийному объединению подходил и Львов. Слушал, вставлял своё заинтересованное

слово и шел дальше. Администратора он из себя не корчил. Но радушным хозяином, желавшим всех принять душевно, как это положено в селе, был.

Сколько могла бы привести примеров, когда он горой вставал за поэтов. Но небольшой газетный материал мал для этих воспоминаний.

Он и в перерывах между встречами поддерживал с нами связь. Отвечал на письма каждого, одобрявшего его стихи, выложенные в интернете. Ответил и Андреапольскому поэту Наталье Шабановой, побывавшей в Каблукове всего однажды, на её строки: «При прочтении ваших последних стихов в Одноклассниках, у меня возникло беспокойство, очень грустная и тревожная их тематика. Успокойте, скажите, что с вами всё в порядке. Усталость пройдет, если она всему виной. Главное, настрой. Верю, что Вы нас ещё порадуете. Так приятно начинать утро с прочтения ваших талантливых творений! Здоровья Вам и душевного вдохновения!».

продолжение >>> стр7

Владимир Львов

Владимир Львов родился в 1949 году в селе Пожня Торопецкого района Тверской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Стал автором более десятка поэтических книг, членом Союза писателей России, лауреатом II Всесоюзного фестиваля народного творчества, Международного конкурса «Золотое перо», литературной премии им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Многие годы он являлся председателем Тверского содружества писателей. Работал директором школы в селе Каблуково, где два десятилетия организовывал и проводил международные литературно-музыкальные фестивали «Каблуковская радуга».

* * *

За то, что я помню, за то, что дышу,
Что старославянское имя ношу;
За то, что бок о бок, который уж год
Со мною любимая рядом живёт;
За то, что страдаю; за совесть, за честь,
За правду, которая всё-таки есть;
За волю, за поле, за рожь и за лён
Вам, мудрые предки,
мой низкий поклон!

ЖИВУ, КАК ЛЁН

Вы как живёте? Я живу, как лён –
Помятый и потрёпанный, как он.
То тяжело мне, а то легко и вольно.
Земля моя, поклон тебе, поклон,
Такой поклон, что распрямитесь
больно!

Деревня милая! Зелёные шумы,
Да на черёмухах висюльки бахромы,
Зелёные луга и перелески.
Котятками глазастенькими мы
Глядим весною из-за занавески
На тихие болота и холмы,
Где слышится скобарский говорок...
Давно ль это – на первый мой урок
Звонили колокольчиком Валдая?
Я школьный вновь переступлю
порог:

Мария Павловна, какая вы седая, -
Как по утру над Волгою парок.
Какая тишь! Какая благодать!
Я душу рад бы вынуть и отдать
За всё, чем жив и что сейчас имею, -
Учителям, тебе, деревня-мать!
Я льстить и притворяться не умею.
Я с детства не приучен вами врать.
Я правду говорю: живу, как лён –
Порою так же прочен и силен,
Порою так же слаб и незаметен,
Такою же судьбою наделён,
Как он, как ручеёк, тропинки эти,
Как за деревней нашей старый клён.

* * *

«Ах вы, сени мои, сени!»
Ах, изба на бережке!
На поляне впечатлений
Мы гуляли во Торжке.
Молодухи возле печки,
Женихов – хоть пруд пруди!
Солнце в небе, солнце в речке,
Солнце вспыхнуло в груди!
Скоморох, как солнце, рыжий
На ходули ловко встал.
Кто был выше – стал пониже,
Кто был ниже – выше стал.
Золотой рубахи ворот,
Сарафан – зелёный цвет...
Тыщу лет стоит тут город.
Ты подумай – тыщу лет!
«Во саду ли, в огороде» -
Разевай пошире рот!
Мы не кто-нибудь в народе –
Мы с тобой и есть народ!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Коптила лампа. Тихо было.
Просилась кошка из сеней.
И тень причудливая стыла
На свежeweымытой стене.
Стекло от ветра дребезжало,
То барабана, то звеня.
На печке матушка рожала
Восьмифунтового меня.
На печке матушка страдала,
На печке я уже кричал...
А осень золотом кидала
На землю мокрую печаль.
А под дождём отец весёлый
Палил по тучам из ружья:
Он возвещал окрестным сёлам,

Что в этот мир явился я.
Но что с того лугам и нивам,
Что я в селенье небольшом
Родился маленьким, крикливым
И не в рубашке – нагишом,
Что с первых дней, забытый Богом,
Я сам впрягусь и повезу
Телегу по глухим дорогам
С нехитрым скарбом на возу.

* * *

На нашем небе ночью больше звёзд,
И небо наше больше городского.
Летят кометы, задирая хвост,
Садятся за деревней Каблуково
В густой овёс, клюют зерно овса.
Уснули сладко люди, птицы, травы.
И только мне не спится в два часа:
Я поле охраняю от погравы.
Играем в прятки. Я всю ночь вожу,
Грущу о прошлом, мыслю
о грядущем.
Хожу-брожу, а утром доложу,
Что на полях овсы шумели гуще.
И агрономша пальцем у виска
Крутнёт слегка (мол, все на то
приметы).
Для агрономши ночь – одна тоска.
А для меня – мечты,
стихи,
кометы...

АВТОКОЕЧТО

Я ем и выпиваю на свои.
Хватает. На сберкнижке денег нет.
Родители – крестьянские слои.
Живу на свете тридцать восемь лет.
Женат однажды. Не люблю повес.
Детишек трое. Все живём в ладу.
Ещё люблю цветы, деревню, лес,
Коров, собак и всех лягух в пруду.
Я не рыбак и сеток не плету.
Я не охотник – Боже упаси!
Я верующий: верю в доброту,
В любовь,
в свободу,
в правду на Руси.

* * *

За озером гармоника играет,
Поёт о том родная сторона,
Как золотом берёзки осыпают
Половики разостланного льна.
А на холме под пологом небесным
Лишь ветер колыбельные поёт
Солдатыкам неместным, неизвестным,
Убитым и зарытым в чёрный год.
Полынью забинтованы воронки.
Отцы, которых нет, спасибо вам
За то, что на свидание к девчонке
Ваш сын идёт по сладким клеверам.

ПЛАТЬЕ ИЗ МАРЛЁВКИ

Медсестра Маша домывала последнюю ступеньку общего коридора пятиэтажки и думала о том, как наконец-то сейчас разогнет спину, выльет грязную воду, сполоснет ведро и отправится к себе домой. Желательно никого бы не встретить из знакомых. Начнутся разговоры, слово за слово, и придется признаться, что кроме работы в больнице, она в свои выходные убирает общественные коридоры. Денег в семье не хватало, а полставки в коммунальной службе давали хоть какую-то прибавку к семейному бюджету. И не только. Маша была в душе модницей, ей так хотелось красивых платьев, обуви, украшений. Но самая заветная мечта – платье из марлевки. Сколько раз она представляла себя в этом полупрозрачном легком наряде. А к нему бы изящные туфельки! Скрытная по характеру, молодая женщина ни с кем не делилась своей мечтой. (Ну а с мужем – и подавно). Подспудно считая ее (мечту эту) глупой: не пристало серьезной замужней 25-летней даме думать о тряпках. О том ли должна мечтать комсомолка славных семидесятых!? Но платье из марлевки маячило перед ее внутренним взором и не давало покоя вот уже давно. Муж-экскаваторщик книжек не читал, и Маша потихоньку откладывала заработанные рублики, прятала их в томике Бернса. Стихотворение поэта о девчонке Дженни, которая, пробираясь до калитки полем вдоль межи, вымокла до нитки вечером во ржи, очень нравилось Маше. Она даже выучила его наизусть и когда мыла лестницы, про себя декламировала. А последние строчки – вслух: «И какая нам забота, если у межи целовался с кем-то кто-то вечером во ржи!» Муж был неласков и суров. И Маша частенько воображала себя легкомысленной, кем-то нежно желанной девчонкой Дженни, причем неизменно в воздушном платье из марлевки.

Наконец нужная сумма была скоплена, и Маша купила материал. Дома развернула ткань и уткнулась носом в пенное облако. Потом глубоко вздохнула и стала думать, в какой

цвет перекрасить белое полотно. Решила, что надо в бирюзовый. Так и сделала. Шить сама побоялась, справить наряд попросила подружку-швею. И часто ловила себя на том, что невольно улыбается в предвкушении. Даже муж Гриша, уж на что невнимательный к ее настроениям, и тот обратил внимание на супругу. Сам он, будто высеченный из тяжелого темного камня, являл поразительный контраст с тоненькой, белокурой и голубоглазой женой. За обедом то и дело вскидывал на нее карие глаза, но так ничего не сказал. Только почему-то вздохнул и снова уткнулся в тарелку. Ел он, кстати, красиво, точно рассчитывая свои движения, не спеша и размеренно. Маша считала, что это идет от профессии, ведь мужнина работа требует порой ювелирной точности: чуть в сторону – и ковшом можно такой беды наделать! Впрочем, сейчас ее мысли были далеко, вот-вот платье будет готово. Но куда его надевать? – приуныла девушка. В больнице – в халате, коридоры мыть – тоже в халате, правда, другого цвета... Да и выходных у нее нет, чтобы с мужем под ручку прогуливаться по улицам. К тому же Григорий не любитель романтических прогулок. Однако там, наверху, не дремали – случай надеть обновку представился: подруга пригласила на день рождения.

И мужа долго уговаривать не пришлось, как-никак благоверный подруги – начальник строительного участка. Неудобно игнорировать приглашение. В общем, отправились в гости, прихватив подарки. Маше так не хотелось надевать плащ, но майская погода еще не позволяла щеголять в платьицах. Холодно.

В прихожей народу было полно. Смех, шутки, приветствия... Лена, именинница, обняла Машу, помогла ей снять плащ, оглядела подругу и при этом неопределенно хмыкнула. Но тут же улыбнулась: «О, марлевка, писк моды! Хороша!». После выпитых двух рюмок молодежь занялась танцами. Как ни тянула Маша своего мужа в круг танцующих, сдвинуть с места не могла. Только буркнул что-то недовольно и ушел с парнями

Светлана Виноградова,
Нелидово

курить на балкон. Тут же к ней подлетел бывший одноклассник Витька, подхватил под локоток, и Маша, такая легонькая и грациозная, вся отдалась под власть ритмичной музыки. «Ты, как экзотическая бабочка! нет, стрекоза на прозрачных крылышках!» – шептал ей захмелевший Витек. Маша в ответ смеялась, кружилась... Прозрачная ткань платья почти не скрывала очертания ее ног, груди, плеч... И вдруг женщину словно ожгло, она даже не сразу поняла, что это ее Гриша, столько было сдерживаемой ярости в мужнином взгляде... увидела, как побелели его пальцы, сжимавшие ручки кресла. Маша испугалась. Радость, недавно плескавшаяся в ней, мгновенно угасла. Муж встал и вышел в прихожую. Что делать?! Маша торопливо попрощалась с хозяевами, набросила плащ и ринулась вниз по лестнице за Григорием. Он шел молча, засунув руки в карманы куртки. Так же молча они вошли в свою квартиру. «Гриша, что ты?» – Маша нежно тронула мужа за плечо. Тот зло дернулся, сбрасывая женину руку. Потом подошел к дверям кладовки, чем-то там загремел и через минуту вышел с топором в руках. Не глядя на женщину, сиплым голосом велел: «Снимай платье!».

>>> стр. 4

Кузнечики

Сегодня всю ночь
стрекотали кузнечики,
и окна напротив казались всё ярче;
и, когда закрывала глаза я, трава
дорастала до самого уха.

**Екатерина Вихрова,
Торжок**

1941

*Эпиграф: «И когда он снял вторую
печать, я слышал второе животное, го-
ворящее: иди и смотри. И вышел другой
конь, рыжий; и сидящему на нем дано
взять мир с земли, и чтобы убивали друг
друга; и дан ему большой меч».*
«Откровение» от Иоанна, глава 6/

Пепельный ветер из будущей
братской могилы?
Эхо безмолвия? Прах,
потревоженный зря?
Разве не видят живые, кого
пробудили?
Мёртвые плачут, на гибель Европы
смотря.
Им не вставать бы, в земле
хоронясь от облавы:
Страшно от этой, беззвёздной пока,
синевы.
Больно топтать начинённые
гильзами травы,
Липким туманом стекая в
расстрельные рвы.
Страшно от хруста, с которым
ломается время,
Лица убитых, как небо над Брестом,
черны.
Лето изломано; кто мы сегодня и
где мы?
Разве живым не мерещится поступь
войны?
Разве не чудится гром д
альнобойных орудий
В этой мучительной, душной, как
дым, тишине?..
Слушайте ветер! Команды
«отставить» не будет.
Скалится с пустоши Всадник на
рыжем коне.

**Алексис,
Удомля**

**МНЕ КОТ УЧЕНЫЙ
ПОДМИГНУЛ**

Мне на улице кот подмигнул –
Рыжий, праздничный, в белой
манишке:
«Тормозить зарождения код,
Срок задерживать – это уж
слишком!».
Февралем притворяется март,
На излете, а сыпет снегами.
Огнецветным не выйти на старт
В блекло-серой размазанной гамме.
Вольнодумец, бунтую с тобой,
И меня провоцируют гены.
Объявляем бесцветности бой –
Завтра рыжую куртку надену.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

* * *

Дымит в снегу проталина –
От теплых дней подпалина,
Последний наст в осколках под
ногой.
А ветер переменчивый
Венком весны увенчанный,
Как жеребенок скачет над землёй.
Своей весёлой гривой
Заигрывает с ивою,
Бряцают льдинки-слёзы хрусталём.
Но жаль, зима-отступница
Нам более не спутница,
Когда ещё мы с вьюгою споём.

**Любовь Егорова,
Осташков**

РЫЖИЙ

Что за прелесть – ночные прогулки!
Догорает полоска зари...
Щерят пасти свои закоулки,
Тускло светят вдали фонари.
Ноги сами ведут в переулоч,
Где мерцает окошко одно.
Я тихонько калитку толкнула,
Понимая, что не умно.
Но однако шагнула к крылечку,
Отворила скрипучую дверь...
Неужели не скажет словечко
И оскалится аки зверь?!Нет, смеется и машет рукою:
– Заходи-заходи, что стоишь?
Обнимает за плечи другою.
– О, бедняжка, да ты вся дрожишь!
Да к тому же и плачешь, родная...
Кто обидел, скажи, разберусь.
Ну а что я скажу, ведь страдаю –
И виной всему ты, рыжий гусь!

**Светлана Виноградова,
Нелидово**

стр. 3 <<<

Маша, словно во сне, негнушима-
ся руками стала стягивать платье...
«Ну вот и все, – пронеслось у нее в
голове, – сейчас зарубит». Но Гри-
горий выхватил из ее рук платье,
бросил на пол и стал яростно рубить
его топором. Бирюзовые кусочки от
ударов взлетали вверх и в стороны.
Один долетел до Машиного колена,
неслышно, словно винясь и сожалея,
мазнул по коже и плавно опустился
на пол. Вслед за последним ударом
Григорий выронил топор, закрыл
лицо руками, глухо замычал... Ма-
шину грудь, словно иглой, прошила
смешанная со страхом острая жа-
лость. «Гриша, – прошептала она –
Гриша!». В ответ он качнулся к жене,
схватил ее за голые худенькие пле-
чи, сильно сжал, уткнувшись Маше
куда-то в шею. Она гладила его по
голове и уговаривала, как малень-
кого ребенка, увела в комнату...

...Через девять месяцев у Маши
родилась девочка. Девочка подрас-
тала, а мама шила ей платья, иногда,
улыбаясь, думала: «Вот вырастет
Ниночка, обязательно ей скажу, что-
бы никогда не надевала платье из
марлевки!».

* * *

Я людям верила всегда,
Не скрою, ошибалась.
Ошибки правила года –
И я разуверялась.
То тон смущал, то хитрый взгляд,
То глупая улыбка.
И всё звучало невпопад,
Бессмысленно и хлипко.
Хотелось верить, но никак,
Сомнения живучи,
И получалось всё не так,
Темней сгущались тучи.
И вот однажды, вопреки
Сомнениям и рассудку,
С запретов всех – долой замки!
Всё превратила в шутку.
И как-то сразу легче жить,
На вере строить чувства,
И сразу есть чем дорожить,
И что любить, и с кем дружить,
И воспевать искусство.

**Наталья Шабанова,
Андреаполь**

САПОГИ

То, что Любка Петрова крутит шуры-муры с Иваном Сидоровым, знал, наверное, весь посёлок. Не знали только Любкин муж Борис и жена Ивана Зинаида. Любка с Иваном нарушили самую первую неписанную заповедь: не гуляй с тем, с кем работаешь; не гуляй там, где живёшь. Петровы и Сидоровы работали на одном заводе и жили в одном подъезде многоквартирного дома.

– Как же им это удаётся? – судачили бабы. – И чего Любка нашла в Иване? Маленький, толстенький.

Да и мужики не отставали от баб:

– И ведь до сих пор не попались! А Боря лох! Такой здоровый верзила, а бабу свою удовлетворить не может.

Обычно Иван приходил к Любке в те часы, когда Борис был на рыбалке или в гараже. А в гараж Боря уходил часто, иногда дней на пять...

В эту пятницу, сразу после работы, Борис отправился в гараж.

Иван забежал домой, переоделся и пошёл на огород. Но на огороде пробыл недолго. Задами-дворами пробрался в свой подъезд и, юрк – в квартиру Петровых.

После любовных утех Любка с Иваном лежали в спальне на кровати и разговаривали.

– Боря прям с завода в гараж пошёл, – сказал Иван. – Какой-то смурной был весь день. Загудит теперь на все выходные.

– Если загудит на выходных, то и понедельник прихватит, – не то с радостью, не то с сожалением ответила Любка.

– А моя сегодня стирку затеяла. Завтра мы с ней на огород пойдём. А в воскресенье она к дочери поедет, а я на огород и опять к тебе.

Любка прижалась к Ивану:

– Как же мне с тобой хорошо!

Вдруг – звонок в дверь!

Иван машинально посмотрел на часы: двадцать два ноль-ноль. «Чёрт, домой давно пора! Моя штоль меня ищет?» – мелькнула мысль.

Любка вскочила с кровати, наки-

нула халат.

– Одевайся! Сиди тихо! –скомандовала она. – А я пошла.

Любка открыла дверь. На пороге стоял Борис. Пьяный, но не вусмерть.

– Чево закрылась, дай пройду. – Борис стал раздеваться, не замечая чужой мужской куртки и сапог.

На Любку напало оцепенение. Но, ненадолго. Любка быстро взяла себя в руки.

– Скотина! – заорала она. – Опять пьяный пришёл! А што грязный такой?

Борис оглядел себя:

– Да не грязный я.

– Грязный! А ну скидывай всё. – Любка нервно начала раздевать мужа. – Марш в ванну мыться!

Борис покорно пошёл в ванну, закрылся. Зашумела вода.

Любка метнулась в спальню. Иван был уже одет и стоял за шкафом.

– Загнала своего в ванну, – прошептала Любка. – Давай, быстро, на выход.

Иван на цыпочках прошёл по коридору. Снял с вешалки свою куртку, сунул ноги в сапоги и был таков.

Любка быстро прибралась в спальне. Вышел из ванны Борис.

– Жрать не хочу, спать хочу, – сказал он и пошёл в спальню.

Проснулся Борис рано. Ушёл на кухню. Что-то там гремел, бухтел вполголоса. Потом стал ругаться. Громко.

Из спальни вышла заспанная Любка.

– Што шумишь?

– На рыбалку иду.

– Ты ж вроде не собирался?

– Не собирался, а вот собрался, – ответил Борис.

– Ну а што ругаешься?

– Ды ноги в сапоги што-то не лезут?!

Любка сразу всё поняла...

Ха! Любка не была бы Любкой, если не придумала бы выход из сложившейся ситуации.

– Ах ты, скотина! – заорала она. – Допился! Ну-ка стопы покажи. Смотри, как отекли! От пьянки!

Борис рассмотрел свои стопы.

Игорь Квасов,
Дубна

– Ды вроде нормальные?!

– Отекли! – приказным тоном сказала Любка. – А ну, марш в ванну. Налей в таз холодной воды и сиди, отмокай. Минут через десять отёк пройдёт.

Борис пошёл в ванну выполнять Любкино распоряжение. А Любка в этот момент схватила сапоги и бегом к Сидоровым.

Дверь открыла Зинаида.

– Привет! Твой вчера вечером заходил к моему. Когда уходил, обул Борины сапоги, – выпалила Любка и протянула сапоги. – На вот Ванины, тащи Борины.

Зинаида взяла сапоги.

– Да, это Ванины, сорок первый размер. У Бори, наверное, сорок третий.

Борис вышел из ванны. Надел носки и сунул ноги в сапоги. Сапоги наделись легко.

– Надо же, и вправду ноги отекли?! Да-а, пить надо меньше.

ФЕВРАЛЬ. СОГРЕТОЕ

Муза медлит с пасами, не шепчет:
«Прими – и вдарь!»,
Целина на бумаге являет подобье
снега.
Изумляя настенно-распластанный
календарь,
Неустанный февраль рассыпает
пушинки с неба.
Убежать бы под солнце и в волны
куда-нибудь.
Силуэты деревьев, как южная ночь,
смолисты.
В парке лыжники в тысячный раз
обновили путь,
В телевизоре сникли озябшие
футболисты.
Я на кухне, согрет в тишине что
карасть на дне,
Мельхиоровой жутью пугаю
пакетик чаю.
Белый шум растворился как сахар в
неспешном дне.

... Так пока и живём.
Ключевое – пока.
Скучаю...

*Игорь Столяров,
Нелидово*

О КАМАСУТРЕ - ШУТКА

*экспромт на стихи В. Вихрева
и Л. Яготинцевой*

Что такое «Камасутра» –
Только слышать довелось.
Но не далее, как утром,
Просветиться вдруг пришлось.
В Интернете я случайно
Разъяснение нашла,
Оказалось, эта тайна –
Про меня. Плохи дела!
Жизнь прожила, а не знаю,
Что всё делаю не так:
Не бойсь, я не святая,
Но моя любовь – пятак!
Вот где пластика и позы!
Научиться бы суметь,
И тогда со мной в морозы
Можно печку не иметь!
Только жаль: не разобраться,
Где колено, где рука.
Мне теперь уж не семнадцать,
Заколodило слегка.
Что ж, придётся по старинке,
Ведь душа пока жива.

Пусть не гнётся больше спинка –
Остальное трин-трава!

*Раиса Маккар,
Торонец*

ХВАТИТ!

Как много хотелось. Как мало
случилось.
И многое в жизни не так получилось.
Как часто мечталось, но верилось
плохо,
А если сбывалось, то вечно
с подвохом.
И если задуматься, ёлки-моталки,
То как-то себя мне становится
жалко.
А тот, кто себя постоянно жалеет,
Тот больше горюет и дольше болеет.
А мне перспектива такая «не катит».
Поэтому всё – пострадала, и хватит!

*Светлана Миронова,
Пено*

**ВРЕМЯ ЗАМЕЧАЮ
ПО МОРЩИНАМ**

Время замечаю по морщинам.
Сединою меряю беду.
И давно в объятия к мужчинам
Попадаю, если упаду.

По морщинам время замечаю.
Регулярно крашу седину.
Там себя вчерашнюю встречаю,
Где в чужую юность загляну.

Годы упорхнули бойкой пташкой.
Крылышком взмахнули и... адью.
Спи, мой внучек, я про Чебурашку,
Хочешь, тихо песенку спою.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

* * *

Горят костры кленовые,
И с неба льётся синь.
В садах цветы лиловые,
По берегу – полынь...

Иду тропинкой узенькой
Совсем-совсем одна.
Лишь воробьям в союзники,
Видать, я и годна.

Порхают, беззаботные:
чирик-чирик-чири!
И с ними так охота мне-
Подпрыгнуть и... пари!

Над речкой синеокою,
Над лесом, что вдали...
Ой, забрела в осоку я,
Не чувствую земли!

Спасите! Кажется, тону-у-у!!!!
Да нет, стою на кочке...
Но чтобы не пойти ко дну,
Ни шагу – в одиночку!

*Светлана Виноградова,
Нелидово*

* * *

*«Ох, лето красное! Любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары,
да мухи».*
А. С. Пушкин

Сказал поэт: «Я б очарован был
(Он отвергал не женщину, но лето),
Когда бы зной не иссушал мой пыл.
Куда приятней осень для поэта».

Я с классиком согласна на все сто,
Но есть ещё проблема. Ведь
с рассвета
На грядах я, а письменный мой стол
В тоске пылится без меня всё лето.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

* * *

Мы – листья дерева,
Которого не видно,
И тела смерть –
Всего лишь листопад...

* * *

В поэте что-то есть от ласточки,
Ему опасно приземление,
С высот незначачие частности
Приводят мысли в изумление.

*Святослав Кетлеров,
Нелидово*

* * *

Если я для тебя не потеря,
Значит, время тебя потерять.
Присмирившим и ласковым зверем
Серебрит мне метелица прядь.

Под её благодатной рукою
Снежной улицей тихо пройдусь.
Очарована белым покоем,
Боль меняю на светлую грусть.

Схороню, заморожу, забуду...
Сгинь навек в закоулках, тоска.
Возвратясь, удивлюсь: ну откуда
Эта белая прядь у виска?

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

– Поживём ещё, поработаем! «Врагу не сдаётся наш гордый...» народ! Вам в подарок новое, – написал в ответ, приложив стихотворение.

У меня осталась последняя переписка с ним, за день до его болезни. Покажу из неё небольшой отрывок для того, чтобы вы видели деликатную манеру его общения.

[14.02.2021 18:15] Владимир Львов: Мы живы. Таня приболела, кашляет и слабость одолела, но в больницу проверяться не идёт.

[14.02.2021 22:24] Владимир Львов: Спасибо за участие! Извините, что пристаю. Спокойной Вам ночи!

[14.02.2021 22:24] Маргарита Петрова: да что вы, Владимир Ильич, всё поэты – родня. И вам спокойной, после того, как всё решится.

[14.02.2021 22:25] Владимир Львов: Спасибо ещё раз!

Мы, знавшие его, плакали, узнав трагическую весть. Истинную цену человеку понимаешь, когда его теряешь. Потому и понесли в чатах и открытом эфире письма друг другу: «Неужели это правда? Ну как же так?», «Риточка, какой ужас», «Осиротели наши поэты»...

Действительно, осиротели. И когда случайные люди произносят: «Ну, кто-то возьмет мероприятие в свои руки», – хочется с горечью им возразить. Это было не «мероприятие», а единая душевная организация. И Львов был её сердцем. Без него оно невозможно. Или будет что-то совсем иное. Но в эти дни мы отправляем свои рукописи. Чьи-то успел принять ещё Ильич, остальные, созвонившись с его ближайшим другом, правой рукой и верным помощником с первых дней существования «Каблуков» Иваном Владимировичем Демидовым, отсылаем жене Львова, Татьяне Яковлевне. Это будет «Каблуковская радуга», посвященная памяти её организатора.

А это его стихотворение. Не знаю, когда оно было написано, но оно здесь очень к месту.

М. ПЕТРОВА

РОМАШКИ

*На свете мало, говорят,
Мне остаётся жить...*

М. Ю. Лермонтов

Однажды так случится: я уйду.
В мерцанье звёзд ищи свою звезду,
И пусть тебе ромашки в поле снятся.
Не плачь по мне. Я так любил смеяться!
Но это ни о чём не говорит:
Звезда печальным пламенем горит.
Да и звездой я не был никогда.
Свечой? Костром? - Возможно.
Искрой? - Да.
А всё-таки скорей всего - ромашкой,

И было роковой моей промашкой
То, что светил до срока на виду.
Не плачь по мне: я, может быть, приду,
Пусть не теперь, не скоро, пусть потом.
Есть высший смысл: один навечный дом,
Землёю его нежно именуем.
Не может быть, что мы его минуем!
И мы его хозяева, и он
Хозяин наших жизней всех времён.
Любимая моя! В конце концов,
Дорога замыкается в кольцо,
И все-все-все опять сюда вернутся,
Но только вот боюсь я разминуться,
По времени с тобою не совпасть.
Как возвращаться: медля, торопясь?
Любимая! Любимая моя
Ромашка! Мой не гаснущий маяк!
А даст ли знать нам кто-нибудь об этом?
Звезда ли подмигнёт весёлым светом?
И будет ли нас дома кто-то ждать?
Как знать...

Владимир Львов

ПОЭТ РОССИИ

**Памяти Владимира Львова –
талантливого русского поэта,
создателя литературного
фестиваля «Каблуковская радуга»
(по простому «Каблуки»)
в тверском селе Каблуково.**

Наши русские мужики.
Отчего они рано уходят?
Вот и кончились
«Каблуки»,
Потому, что не стало
Володи.
С нашей русской фамилией
Львов
Он талантливым был
Поэтом.
Не хватает достойных
Слов,
Чтобы просто
Сказать об этом.
На Земле он оставил
След –
Нашей русской поэзии
Слово –
Деревенский простой
Поэт
Из тверского села
Каблуково.
С его лёгкой руки
В «Каблуки»,
И зимой,
И сияющим летом,
Из российских глубин
Земляки
Приезжали к нему
За советом.
Знали:

Он не сочтёт за труд
Разделить с ними
Их вдохновенье,
Приносили ему на суд
Свои первые
Стихотворенья.
Он умел их услышать,
Понять.
Не редакторствовал,
Не правил.
Не учил,
Как поэтами стать.
Он их на ноги
В творчестве ставил.
Как хороший отец,
Как мать,
Что в ребенке души не чая,
Наставлял
По Руси шагать,
Всё в ней русское
Замечая.
Разделяя с ней
Путь её колкий.
Её грустные песни и смех,
Разрушительных войн
«Осколки»,
Что под сердцем
У нас, у всех.
Принимать её ветры
И грозы.
Устоять на крутом вираже.
Понимать её радость
И слёзы.
Всё – что выпало
Русской душе.
Пусть теперь это стало
Не в моде.
Перед словом
Восторга нет.
Верю я: в «Каблуках»,
У Володи
Не погаснет поэзии
Свет.
Потому что в ней
Русская сила.
Та, которой нигде
Больше нет.
... Пока есть на земле
Россия.
С нею жив
Каблуковский поэт.

03 03. 21. Москва.

Лапченко Борис Степанович

*– член союза писателей СССР, ныне
России.*

С Володей мы хорошо знали друг друга.
Познакомились, когда он работал в
торопецком совхозе «Понизовский». А я
– собственным корреспондентом газеты
«Литературная Россия» по Северо-Западу.

Володя уже тогда писал хорошие стихи.
Я знал, что он пойдет с ними в гору.
И был рад его успехам. По возможности
приходил на его литературные встречи
с торопецкими читателями, чтобы ска-
зать ему доброе слово.

И вот его не стало. Такова жизнь. Во-
лодя прожил её не зря.

О ЖЕНЩИНАХ

**ТАКОЮ ЛИ ТЫ ВЁЛ
МЕНЯ К ВЕНЦУ**

Я снежной бабой у тебя в дому
Варю, стираю, глажу, подметаю...
Не всякому дано понять уму,
Ну, отчего я даже не подтаю.

Ну, отчего, закована в броню,
Над мыльными страстями сериалов
Горючую слезу не уроню:
Вот, и в кино не стало идеалов.

За поворот в тревоге не стремлюсь,
Счёт не веду минуткам ожиданий.
И не боюсь ни Алевтин, ни Люсь,
Ни снов дурных, ни долгих
расставаний.

Такою ли ты вёл меня к венцу,
Внушая, что жена должна быть
нежной?
Как скоро сказка подошла к концу.
Я обернулась бабой. Только
снежной.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ

Ко мне сегодня женщина пришла.
Вот просто так, вошла и
не спросила.
Стремительна, как пилотаж стрижа
и, как двустволка тульская, красива.
Она была взволнованно-бледна,
стройна и долгонога, словно сеттер,
практично-отрешённо холодна
и безупречна, как посуда Zepher.
Я был небрит, растерян и смущён,
и с первых слов её вполне
пристыжен,
она ж шагала, шелестя плащом
и пахла адюльтером и Парижем.
И по моей небранной норе,
вокруг роняя пепел и перчатки,
металась, оставляя на ковре
глубокие копейки-отпечатки.
А я торчал, как кактус на окне,
нелепый, точно Арлекин без грима,
она же выговаривала мне,
внимательно и строго глядя мимо.
Она была настойчива, как пар
и убедительна, как синева навахи,
а я молчал трусливо и бездарно,
пряча в шкаф несвежие рубахи.
И отчитав и отругавшись всласть,
остыв мгновенно, как по взмаху жезла,
она мне равнодушно отдалась
и, посмотревшись в зеркало,

исчезла.
Она ушла, остался только шум
в ушах и слабость, близкая к икоте,
копейки на ковре, её парфюм
и эти строки в кожаном блокноте...
И ноги подобрал под табурет,
сiju на кухне, сам себе не веря:
то – мимолётный – Музы был
привет
иль просто женщина ошиблась
дверью?

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

СВИДАНИЕ

Ты был придирчив, щепетилен,
строг,
осматривал мой скарб хозяйским
взглядом.
Как школьница, не знавшая урок,
не попевая, семенила рядом.

Готовилась я к встрече, привела
свой домик дачный в миленький
порядок.
Сирень, всё понимая, зацвела,
и чем-то сладко вяло от грядок.

Старался в ближней роще соловей,
но не пьянел ты от волшебных
звуков.
Уже считая, видимо, своей,
крестьянским обучал меня наукам.

Ты объяснял, как лучше сеять лук
и как рыхлить какие-то там всходы.
Мой взгляд упал случайно на метлу,
забытую нечаянно у входа.

Ну как мне пережить такой конфуз:
старьё моё топорщилось нахально,
навстречу гостю выставляя ус.
Увидит если, точно не похвалит.

Вся эта чушь почти с ума свела,
сбивались мысли комариной стаей.
Ты всё-таки спросил: «Зачем
метла?»
Ответила: «А я на ней летаю».

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

* * *

Грустит на дубе полудева –
Обида на сердце горит:
«Боюсь, мой кот пойдет налево –
Не зря мне сказки говорит!
В душло полз лапчонкой черной,
Конверт надушенный достал...
С чего ж ты стал такой ученый?!
Ох, чую: Пушкина читал!».

*Игорь Столяров,
Нелидово*

* * *

Светкин муж – известный бабник,
Волокита и похабник.
Ходит огородами
и речными бродами.

Не всегда бывает «пруха»,
Приключилась с ним проруха:
Только к Людке под бочок,
Как приходит мужичок.

В чём он был, в том и остался,
В огороде отлежался.
Хорошо, что света мало –
К Светке нырк под одеяло.
И лежит, дрожит, как лист
Ангел светлый, ликом чист.

Света мужа приобняла,
Раза два поцеловала,
«Приласкала» от души:
– А теперь, дружок, лежи.

Ночь прошла. Чуть-чуть поспали,
Утром петухи подняли.
Мужа тронула легонько –
Охладел. Лежит тихонько.
Вот! Отбегался сверчок.
Неплохой был мужичок!

*Наталья Шабанова,
Андреаполь*

ОДИНОЧЕСТВО НЕ ГОРЕ

Одиночество не горе,
не беда, я так скажу, –
отыщу траву цикорий
и на ней поворожу.
При известном наговоре
провоцирует любовь
даром, что зовут цикорий,
что цветочек голубой.

Я настолько в этой теме,
что уверовал вполне:
скоро всем на удивленье
окажусь я при жене.
А она – в лице и теле,
как ни глянь, за что ни тронь,
мало, что огонь в постели,
в остальных делах огонь!

Целый день шептал без меры,
пил настой, а на другой
задолбали... кавалеры,
только женщин – ни одной!
То ли слов не тот порядок,
то ли с водкою настой,
всё не те клюют, кто надо,
на цветочек голубой!

*Пётр Бобунов,
Нелидово*